

Проблемы уголовно-правовой охраны личности от совместных преступных посягательств

Л. В. Иванова –

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Тюменской государственной академии мировой экономики, управления и права, кандидат юридических наук

Права и свободы личности и собственность охраняются уголовным законом издревле, а каноны уголовно-правового регулирования имеют преемственность для одной страны даже в рамках различных

формаций и государственного строя¹. В ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) одной из задач уголовного закона названа охрана прав и свобод человека и гражданина. Подобная охрана обеспечивается закреплением в УК РФ норм об ответственности за посягательства на основные права и свободы и достигается путем уголовно-правового предупреждения таких посягательств.

Любое совершенное в отношении личности преступление существенным образом нарушает ее права и свободы. А совершение преступления в составе группы повышает общественную опасность такого преступления по сравнению с преступлениями, совершаемыми лицами в одиночку, так как «разделение функций и согласование усилий совместно действующих лиц повышает результативность преступления, усугубляет его социально-негативные качества»².

Следует отметить, что, несмотря на сохраняющуюся в настоящее время тенденцию к снижению числа лиц, совершивших преступление в составе группы, их удельный вес в общем объеме выявленных лиц по-прежнему остается высоким. В 2003 г. он составил 25,3 % от общего числа выявленных лиц, в 2004 г. – 26,3 %, в 2005 г. – 24,5 %, в 2006 г. – 22,3 %, в 2007 г. – 20,5 %, в 2008 г. – 18,1 %, в 2009 г. – 15,8 %, за 8 месяцев 2010 г. – 15,6 %³.

В предупреждении групповой преступности основная роль, несомненно, отводится уголовному закону. При этом речь идет не только о преступлениях против личности, но и о преступлениях, закрепленных в других разделах УК РФ.

Во многих составах совершение преступления тем или иным видом группы прописывается в качестве квалифицирующего признака, влекущего более строгое наказание. Включение соисполнительства в качестве квалифицирующего признака в определенный состав преступления зависит, очевидно, от того, совершается ли преступление путем физического насилия или угрозы его применения, а также от того, входит ли в объект уголовно-правовой охраны потерпевший или нет. Вместе с тем не всегда это сделано последовательно и логично⁴.

¹ См.: *Лопашенко Н. А.* Уголовная политика. М. : Волтерс Клувер, 2009. С. 476.

² *Шеслер А. В.* Соучастие в преступлении : учеб. пособие. Тюмень : Тюм. юрид. ин-т МВД России, 2007. С. 5.

³ См.: URL.: <http://www.mvd.ru/ru/presscenter/statistics/reports/>

⁴ См.: *Шеслер А. В.* Указ. соч. С. 18–21.

Конечно, если в конкретном составе в качестве квалифицирующего признака не предусмотрен групповой способ совершения преступления, наличие соответствующего обстоятельства повлечет ужесточение наказания в пределах санкции статьи, так как совершение преступления в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) признается законодателем в качестве обстоятельства, отягчающего наказание. Однако не всегда такое применение уголовного закона отразит общественную опасность содеянного. Нелогичность в закреплении квалифицирующих признаков проявляется, в частности, в следующем.

Например, рассмотрим состав принуждения к сделке или к отказу от ее совершения. Можно сказать, что он является «родственным» по отношению к составу вымогательства. Несмотря на то что они посягают на разные объекты (последний – на отношения собственности, первый – на отношения, обеспечивающие порядок осуществления экономической деятельности), есть отличия в предмете преступления, но по объективной стороне названные составы во многом совпадают. Учитывая определенную схожесть основных составов этих преступлений, можно было бы предположить, что и квалифицирующие признаки у них должны по большей мере совпадать. Однако в составе принуждения к сделке или к отказу от ее совершения нашли отражение только такие квалифицирующие признаки, как совершение деяния с применением насилия (п. «б» ч. 2 ст. 179 УК РФ), совершение деяния организованной группой (п. «в» ч. 2 ст. 179 УК РФ). В плане дифференциации ответственности позиция законодателя представляется не совсем последовательной. В частности, было бы логичным в число квалифицирующих признаков наряду с организованной группой также включить и группу лиц по предварительному сговору. Ведь нередко принуждение к совершению сделки осуществляется несколькими лицами, предварительно договорившимися на совершение преступления, но признаки организованной группы отсутствуют. Квалификация действий соисполнителей по ч. 1 ст. 179 УК РФ с назначением соответствующего наказания, даже с учетом обстоятельств, отягчающих наказание (ст. 63 УК РФ), не отразит общественной опасности деяния, совершенного совместными усилиями нескольких лиц (максимальное наказание за данное деяние по ч. 1 ст. 179 УК РФ составляет 2 года лишения свободы, для сравнения: квалифицированный состав предусматривает наказание от 5 до 10 лет лишения свободы).

Следует отметить, что совершение преступления в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы подразумевает только соисполнительство. А вот совершение преступления единолично исполнителем при содействии, например, пособника или под руководством организатора законодателем не признается как обстоятельство, отягчающее наказание. Вместе с тем совершение преступления при наличии организатора, пособника, подстрекателя также повышает общественную опасность содеянного. Несмотря на то что объективная сторона преступления выполнена исполнителем единолично, предшествующая деятельность других соучастников (например, разработанный организатором план, обещание пособника скрыть преступника и т. д.) может придать исполнителю большую решимость, уверенность в своих собственных действиях. Однако в законе это не находит отражения.

Уголовно-правовая охрана личности предполагает и установление ответственности за создание, участие в отдельных преступных образованиях. Следует отметить, что для эффективного обеспечения такой охраны немалое значение имеет единство понятийного аппарата. Вместе с тем это не всегда имеет место.

Например, ст. 282.1 предусматривает ответственность за организацию экстремистского сообщества, определяя последнее как организованную группу лиц для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности. В Общей части УК РФ раскрываются формы совместной преступной деятельности. Понятие преступного сообщества содержится в ч. 4 ст. 35 УК РФ, под которым понимается структурированная организованная группа или объединение организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Очевидна несогласованность данных определений, иначе для привлечения к ответственности по ст. 282.1 УК РФ необходимо было бы устанавливать еще и цель извлечения финансовой или иной материальной выгоды. Кроме того, как следует из определения, преступные сообщества создаются для совершения тяжких и особо тяжких преступлений, а преступления экстремистской направленности могут быть и средней тяжести. Если же предположить, что под экстремистским сообществом понимается все-таки организованная группа, определение которой содержится в ч. 3 ст. 35 УК РФ (устой-

чивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений), то, опять же, непонятно, почему в ст. 282.1 УК РФ употреблен именно термин «сообщество». В итоге возникает вопрос, что же такое экстремистское сообщество: преступное сообщество или организованная группа?

Представляется, что понятия, раскрываемые в Общей части УК РФ, носят общий характер и, исходя из системности норм, должны применяться для раскрытия признаков соответствующих (аналогичных) понятий, закрепленных в Особенной части УК РФ. А для этого необходимо последовательное, логичное закрепление соответствующих терминов и в Особенной части УК РФ.

Таким образом, уголовное законодательство обеспечивает охрану личности от различных проявлений совместной преступной деятельности, закрепляя соответствующее обстоятельство или в качестве отягчающего наказания, или в качестве квалифицирующего признака, или в качестве отдельного состава преступления. Вместе с тем не всегда уголовно-правовые нормы носят логичный и системный характер, что может привести к определенным трудностям в правоприменительной деятельности.